

ГЛАВА 8

Февраль выдался теплым, но все устали от зимы и ждали весны, замедлилась даже торговля. В начале месяца утром из «Люксхима» пришел факс:

«Уважаемые партнеры! Доводим до вашего сведения, что наше предприятие начало производство сантехнического средства для канализации «Ерш».

К новости я отнесся прохладно, а отец наоборот – он завтракал на кухне, и едва я принес ему факсимильную бумажку, как он округлил в удивлении глаза, почти перестал жевать, закинул ногу на ногу и задрогал ею. Я глянул на ногу с болтающимся на пальцах тапком, вскочил со стула и заходил по кухне. Эмоция отца передалась мне.

С ближайшей машиной мы получили двадцать упаковок нового товара, и всех их заказал «на пробу» «Арбалет». Я несколько секунд переваривал итог телефонного звонка, вдруг осознал его, нашел отца в комнате на диване и в приступе эйфории выдал новость. Отец стоял и смотрел на меня бесстрастным лицом. Я ждал его реакции. Казалось, ведь ясно – мы получили еще одну сильную товарную позицию, это сулило нам увеличение оборота, а значит, и прибыли, а значит, и наших возможностей и перспектив, а значит... Это было причиной моей эйфории. Но реакции не случилось.

- Ты слышал, что я сказал!? – вытаращился я на отца от непонимания.

- Ну, - произнес он.

- Что «ну»!? – начал я раздражаться.

- Ну, слышал! – с легкой эмоцией сказал отец, – Что дальше!?

Я сник. Разом. Как отрезало.

«Что ж он такой тяжелый на эмоции!? Или это он так выражает их? Или привык их так сдерживать, что на лице ничего не отражается? Разве можно быть всегда с каменным лицом? Не понимаю», - заворочались во мне тяжелыми валунами мысли. Я всматривался в лицо отца, пытаюсь понять, почему он такой, что с ним не так? «Откуда такая скупость на эмоции? Или я чрезмерно эмоционален, что радуюсь каждому, даже пусть маленькому, успеху нашего общего дела? Неужели успех его не радует? Или радует, но отец скуп на эмоции просто в силу своего характера? Непонятно». Понятно стало другое – отец, как никто другой мог одной фразой, одним унылым выражением лица отнять все желание полета, которое как раз рождается из положительных эмоций. Он словно боролся с ними, едва завидев их во мне, гасил не раздумывая. В груди стало тяжело.

- Да, ничего, - я развернулся, вышел из кухни и пошел одеваться.

Настроение испортилось на весь день.

Зима ушла. Март начался отвратительно – небо закрылось насыщенными влагой тучами, температура подползла к нулю, растворив снег в ледяную кашу, влажный воздух, срывающийся регулярно в грубые порывы ветра, неприятно колот лицо и выдувал тепло из тела.

«Сарай» из Краснодара в очередной раз приполз к нам с прицепом в четверг пятого марта и привез тринадцать тонн товара. Разгружали машину долго – начали в обед около часа и закончили с заходом солнца в семь вечера. Две трети прихода занимала синька, и потому работа быстро стала монотонной – сплошной поток однообразных синих упаковок превращался в одинаковые поддоны с ними. Мы закатывали их в склад по одному, пока последний едва поместился в нем.

- Все, наконец-то закончили? – ободряюще произнес сосед-арендатор, заглянув в очередной раз в нашу часть склада.

- Да, все, разделались, - сказал отец устало. – Теперь продавать будем.

По закрытым изнутри воротам снаружи пробежал порыв ветра и подергал их. В складе горел свет. Забитое товаром пространство создавало ощущение уюта. Мы с отцом сидели на упаковках, привалившись спинами к столбам из таких же упаковок, и медленно отходили от тяжелой выгрузки. Мышцы натружено горели. Я застегнул пуховик наглухо. Тепло мышц быстро нагрело одежду изнутри.

- У нас вот тоже скоро сезон начнется, - произнес сосед.

- А с чего ты вообще решил заняться этими мотоциклетными запчастями? – сказал я, погружаясь в легкую дрему. Тело отходило от нагрузки, требуя отдыха, желательно сна.

И сосед рассказал свою историю.

Был у него мотоцикл «Иж», сломался, и оказалось – запчасти в городе купить нигде. Время такое было, девяносто пятый год. И решил он поехать за ними напрямик на завод в Ижевск. Знакомые, прознав, заказали запчастей и себе. Привез парень оттуда на поезде полный рюкзак и распродал его за один день и даже немного заработал. Знакомые сказали: «Вези еще!» И тот через неделю вновь поехал на поезде на завод, вернулся уже с двумя мешками. Вышел на рынок и продал товар в два дня.

- И ты опять...? – попытался угадать я ход напрашивающихся действий.

- И я опять! – закивал сосед, довольный историей и произведенным эффектом. – Короче, я так все лето отъездил! Поехал, затарился, привез, два-три дня постоял на рынке, продал и снова поехал.

Наценки выходили хорошие, десятикратные, а то и больше.

- И долго ты так с мешком катался? – раздался справа от меня голос отца.

Я чуть вздрогнул, глянул через плечо в ту сторону. Отец достал из пачки сигарету, сунул ее в рот, лихачески зажав меж зубами, улыбнулся.

- Па, ну в складе-то уж курить не надо, да!? – сказал я. Само вырвалось. И вышло довольно жестко, безапелляционно и неожиданно для меня самого. Был случай, когда мы только въехали в этот склад, я раз закурил в нем. Отец сделал замечание, чтоб не курил в складе. Я тогда затушил сигарету и, неосознанно для себя, урок усвоил. Ведь наша жизнь – постоянная учеба и развитие. А отец для сына – первый учитель и авторитет. Развиваясь, мы усваиваем уроки родителей. Я впитывал нравоучения отца. Для меня он всегда являлся непререкаемым эталоном правильного набора человеческих качеств. В отце их было так много, что в какой-то момент даже возникло ощущение их избытка. Идеальность отца казалась удивительной. Я никогда не видел его пьяным, отец почти не пил, употребляя лишь в праздники символические граммы. Он не сквернословил. Чему я удивлялся, мат слышался кругом и от каждого второго. Отец был педантичен в работе, надежен, честен и очень исполнительен. Если бы я захотел придраться и найти в нем изъян, я бы не нашел. Естественно, я и не искал в отце отрицательные качества, не стремился оспаривать его авторитет. Что может быть комфортнее и важнее для формирующегося сознания сына, чем настоящий авторитет отца? Ничего. Но законы жизни тверды и ведут нас неявными путями мудрости. Что нас не убивает – делает нас сильнее. Это верно. Парадоксальным образом верно и обратное утверждение – что делает нас сильнее, то нас и губит. Именно то, благодаря чему отец являлся авторитетом для меня, и начало работать против него. Его пунктуальность, точность, педантичность – достойные черты характера, со временем

перешли грань меры и стали вырождаться в щепетильность, дотошность, занудство по отношению к окружающим и особенно близким – ко мне и матери. Отец скрупулезно подмечал все мои промахи, ставил мне их на вид и занудно вычитывал целые лекции о том, как надо было мне поступить на самом деле. Как сын своего отца, искренне стараясь, я работал, тянулся к планке, установленной отцом, устранял все помарки и недочеты в своих действиях, согласно его замечаниям и наставлениям. Я нормально относился к критике и строгости отца, понимая, что так, пусть где-то болезненно, я учусь жизни. Чем сильнее я тянулся к обозначенной отцом планке, тем недостижимее она становилась. Мое желание делать все правильно по меркам отца выродилось в виртуальный бег к линии горизонта. Моя врожденная исполнительность стала подтачиваться раздражением от постоянных укоров и нравоучений. Будучи скупым на эмоции, отец не чувствовал и мои. Мое сознание, уяснив бесперспективность послушного исполнительства, адаптируясь к характеру отца, стало вырабатывать «антитела». Ведь не зря говорят – с кем поведешься, того наберешься. Мать в порывах очередных скандалов стала бросать мне в лицо фразу: «Ты становишься таким же, как твой отец!» Что было правдой, незаметно, день ото дня, я впитывал черты отца, становясь таким же жестким, требовательным, педантичным, сухим на эмоции. Черты отца, усвоенные мною, стали работать против него – я невольно начал подмечать все его промахи, замечать слабости. Я стал ждать ошибки отца, как он всегда ждал мои. Я неумолимо трансформировался в отца, превращаясь в сухой, безжалостный «счетчик» его неудач, промахов, слабых проступков, неловких движений. Совместная с ним жизнь и особенно работа постепенно превращалась из связки «учитель отец – ученик сын» в жесткую связку двух «счетчиков» взаимных погрешностей. Один – изнашивался и старел, другой – мужал и креп. Точка равенства сил стремительно приближалась. С каждым днем я становился требовательнее и неуступчивее. Что посеешь, то и пожнешь. Нравилось ли мне это? Я не задумывался, я вырабатывал качества выживания. Первый ли это был раз, когда я отметил промах отца и сообщил ему о нем? Не знаю, но определенно первый, который я осознал. Я поставил непререкаемый авторитет отца над собой под сомнение. Бесспорно, лучше, легче и комфортнее, когда отец является авторитетом от начала и до конца жизни. Такое положение вещей снимает много болезненных вопросов личностного роста. Но чтобы оставаться лидером, авторитетом для сына, отец должен продолжать лично развиваться и сам. Подобные мысли в то время в моей голове если и рождались, то пребывали в сыром зачаточном состоянии. Все, что я осознал в тот момент – я нашел брешь в «идеальности» отца и указал ему на нее.

Он так и замер с сигаретой в зубах. Довольное лицо отца вытянулось в удивленное. В глазах промелькнула растерянность. Крыть было нечем.

- Нда, точно... – выдавил из себя сконфужено отец и убрал сигарету в пачку.

Я всего лишь вернул долг. Требовательность на требовательность. Если требуешь соблюдения чего-то от другого, будь добр следовать этому правилу сам.

- Не, не долго! – продолжал сосед. – Я уже со следующей весны стал нанимать всякие «газели», «форды транзиты», ну, такие небольшие машины на тонну-полторы, а еще через год купил уже своего «бычка». Это девяносто седьмой год был, по-моему, как раз за год до дефолта! Помните же, дефолт был!?

На дефолте он и заработал хорошие деньги. Курс доллара начал расти, а цены на мотоциклетные запчасти на заводе оставались прежние, рублевые.

- И я понимаю, что это недолго так будет, что вот-вот и подорожает! А у меня денег было всего сто тысяч. Я, короче, беру все деньги, какие есть, прыгаю в своего «бычка» и еду в Ижевск на завод, покупаю там на все деньги запчастей, восемь тонн получилось! Как везти!? «Бычок» берет три с половиной тонны по паспорту, ну пять можно загрузить, мосты выдержат. А деваться некуда! Я, короче, грузу «бычка» битком восемью тоннами и еду назад! – распалился сосед в азарте рассказа.

- И чего!? – открыл я рот от удивления. – Доехал нормально?

- Какой там! – засмеялся парень с довольным видом. – Аж все болты на ступицах посрезало по дороге! Вес вон какой! По дороге пришлось купить и заменить две ступицы, но мосты выдержали, доехал! А через месяц на заводе цены повысили в пять раз! Так у меня как начали товар мести, все ж про запас начали брать, а вдруг еще подорожает! Короче, я продал весь товар за полгода, и у меня оказалось на руках полмиллиона рублей! И вот с них я себе квартиру купил в Приречном, знаете, где Приречный!?

- Это как на запад ехать, на выезде из города, - вставил отец.

- Круто, блин! – искренне восхитился я отчаянностью поступка. – Да! Не, я понятия не имею, где этот Приречный!

Отец пустился в нудные географические уточнения. Я их не слышал, думал о смелом и отчаянном поступке соседа – поездке полной приключений, длинной в три тысячи километров в обе стороны, с товаром, купленным на все деньги, на перегруженном в два с половиной раза грузовике. Я был впечатлен.

Минут через десять разговор затух сам собой. Рассказывать было больше нечего. Я остыл и начал мерзнуть. Рабочий день закончился, пора было ехать домой.

Через пару дней после выгрузки нам сообщили неприятную новость – несколько складов руководство базы выставило на продажу и наш в том числе. Как ни крути, надо было искать новый склад. Размеренные рабочие планы разбавили беспокойные мысли о будущем. Вопрос с арендой склада не выглядел простым, арендные ставки в городе росли, нам снова предстояло извернуться и найти дешевый склад. Вдобавок у меня обострился гастрит – весь март желудок неприятно ныл, протестуя против уличной еды, которой я питался где попало и как попало. В ответ я заливал его обезболивающим сиропом.

Сезон синьки начался, но увеличение продаж случилось не таким сильным, как в прошлом году – все портила погода. Месяц оказался отвратительно серым промозглым и унылым, без единого ясного дня. Настоящей весны и тепла хотелось невыносимо. Зима достала. Сосед, зная о предстоящей продаже склада, съехал в последних числах марта. Сразу стало как-то пусто, скучно и неудобно.

Апрель начался все той же снежно-водяной кашей под ногами и колесами. В среду второго числа знакомый из администрации базы представил нас двум своим «друзьям», так он называл всех, с кем виделся хотя бы раз в жизни и даже мельком.

На встрече выяснилось, что владеют те консервным заводом в поселке Приречный; что складов на заводе свободных много и разных; что есть на территории завода офисное двухэтажное здание со свободными помещениями; и есть своя котельная.

На следующий день полдесятого утра мы уже тряслись в «газели» по здоровенным ямам окружной дороги в сторону Приречного. На Т-образном перекрестке после кольца свернули вправо на мост и выехали из города на запад. Примерно через километр и пару поворотов мы въехали в поселок, рассекли его по главной дороге напополам, свернули за

церковью налево и покатили по дороге под уклон сквозь частный сектор. Через пятьсот метров асфальт дороги пришлось оставить и съехать на примыкавшую дорогу из гравия. Который кончился, не успев начаться. Следующие тридцать метров до железнодорожного переезда мы ползли еле-еле. Машину болтало по сторонам словно на родео. У переезда из земли торчал унылый желтый домик. За ним высился штабель старых промасленных и грязных шпал. У порога домика шныряла облезлая грязно-белая шавка.

Едва мы приблизились, как колокола переезда истошно забили, семафоры замигали красным светом, шлагбаумы опустились, собака заголосила. Из домика устало вышла женщина в желтой жилетке и подняла вверх скрученный желтый флажок. Пока колокола истерили, шавка тьякала. Но как только их трель прервалась, собака заткнулась, обежала домик сбоку и помочилась на какую-то корягу. Тетка держала флажок, пялилась на нас и переминалась с ноги на ногу. Мы стояли, двигатель работал.

- Это, похоже, надолго, - сказал я, крутя головой. – Где этот дурацкий паровоз!?

Отец заглушил мотор, приоткрыл окно и закурил. На улице было тепло и влажно. Я глянул вверх, низкие толстые от влаги облака висели сплошным одеялом. Очень хотелось солнца, хотя бы одного лучика на пять минут. Я распахнул дверь, свесив ноги наружу, сел вбок и закурил. «Будка какая-то», - подумал я, глядя на домик. Женщина, словно прочитав мои мысли, отвернулась. Слева, со стороны города, раздался гудок. Маневровый тепловоз лениво прополз по переезду и укатил прочь, свистнув два раза. Женщина ушла в домик, шлагбаумы поднялись. После переезда дорога оказалась точно такой же и уходила влево вдоль путей. Еще сто метров родео и справа показались железные ворота консервного завода. Они висели между одноэтажной бледно-рыжей проходной справа и двухэтажным административным зданием слева. Здание выглядело облезло – двери центрального входа с улицы были заколочены, краска, что на них, что на бетонном козырьке сверху, выцвела и облупилась. Кирпичные стены здания, не крашенные изначально, от времени и весенней влаги приобрели цвет грязный в коричнево-зеленых разводах.

- Похоже, сюда, - сказал я безрадостно.

- Ну да, - шумно вздохнул отец, и мы въехали на территорию.

Из проходной тут же выскочила тетка и замахала руками. Мы остановились.

Хозяева завода ждали нас в кабинете на втором этаже здания. Оставив «газель» в сторонке, мы направились туда. Я потянул за ручку входной двери, пригнувшись в низком проеме, вошел первым. В нос пахнуло чуть уловимым теплом и сыростью заброшенного здания. Справа на стене висела толстая труба-батарея. Я потрогал ее – чуть теплая. Три ступеньки, и мы на площадке первого этажа, влево и вправо от нее шли крылья здания. Мы поднялись на второй этаж и пошли в левое крыло. В здании стояла гробовая тишина. Под ногами захрустел песок, звук разнесся по крылу моментально, и в дверном проеме дальней комнаты показалась грузная фигура одного из владельцев завода.

Через несколько минут, вчетвером, мы вышли на улицу и зашагали по раскисшей снежной каше. «Развалины какие-то, а не завод», - подумал я, осматриваясь. Основных строений было шесть – административное здание, котельная, два производственных цеха и два складских здания. Прямоугольник территории завода очерчивал кирпичный забор. Между зданиями под слоем песка и земли кое-где проглядывались остатки асфальта. Оба цеха и одно из складских зданий стояли параллельно друг другу. От административного здания их отделял прямоугольный пяточок асфальта шириной метров в двадцать, справа на котором торчала из земли трансформаторная будка, а слева за ним высилась котельная

– кирпичное красно-бурое здание с трубой. Все четверо направились вниз под уклон по дороге меж двумя цехами. Их окончание отчеркнула поперечная грунтовая дорога, за ней метрах в десяти параллельно тянулся поросший кустами забор. В нем, прямо напротив нас, зиял пролом шириной в метр. «Проходной двор», - уныло подумал я.

Слева в ста метрах виднелся склад, подле него почти совсем не было места. «Фуры не подъехать и не развернуться», - понял я и глянул вправо. Невидимое от проходной, здесь находилось шестое строение – одноэтажный склад, длиною метров в семьдесят, он тянулся вдоль забора в сторону поросшего травой угла заводского периметра. Сверху к складу параллельно двум цехам спускалось другое складское здание. Оно состояло из трех секций. Между складскими зданиями была большая ровная квадратная площадка. Я прикинул на глаз радиус разворота фуры – то, что надо, размер площадки давал двойной запас. Мы стояли посреди нее, я и отец осматривались по сторонам. Вроде как место было неплохим. Но с одним недостатком – к нижнему складу таявшая снежная каша стекала от проходной и скапливалась у стен. Верхние склады, что тянулись параллельно цехам талые воды не задевали, оставляя подступы к ним сухими. Эти склады были явно лучше нижних. Едва я заикнулся об аренде одной из секций, как услышал отказ со ссылкой на то, что эти помещения уже есть желающие. Наш выбор ужаслся до двух складов в нижнем здании.

«Сыро будет постоянно, внутри, наверное, тоже полно воды», - подумал я, глянул на отца, и согласился осмотреть нижние склады. Вся компания зашлепала по жиже вниз.

Одноэтажное здание из красного кирпича и шиферной крыши имело три секции. Левая и средняя были одинаковые, десять на десять метров площадью. Дальняя правая забирала всю остальную площадь. Стометровые секции представляли жалкое зрелище – земляной пол, протекающая крыша, стены в трещинах и кривые, не прилегающие плотно ворота. В левой пол оказался ровнее, но склад был затоплен по щиколотку. В средней неудобный земляной бугор перед входом оказался спасителем – он преградил путь воде, образовав перед воротами лужу, пол секции оставался сухим. «Телегу с поддонами тут не покатаешь, все придется таскать на руках... Два сарая, а не склады, один хуже другого, вот и выбирай», - начал я злиться на то, что мы в принципе поехали в такое место. Захотелось уехать домой, я совсем продрог от промозглой погоды.

- Ну, что! – обратился я к отцу. – Мы подумаем денек другой и позвоним, да? Отец затащил сигаретой и сдержанно кивнул.

Мы согласились на следующий день. За аренду склада просили в два раза меньше средней цены в городе, дешевле и хуже было уже некуда. Товар перевозили постепенно – в день по одной полной «газели», управились за неделю. Жизнь дописала очередную свою страницу, перевернула ее одним махом вместе с погодой. Еще в понедельник и вторник я хлюпал обувью по луже у склада, рядом с которой лежали грязные кучи набухшего водой снега, в ночь на среду тяжелые облака исчезли, явив с утра нежно-голубое небо. Солнце припекло с такой силой, что в два дня растопило весь снег и высушило землю. В субботу, закончив переезд, навесили на ворота нового склада замок и поехали домой. После ужина я сидел на балконе, жмурился в лучах заходящего солнца и курил. Настроение было под стать погоде. Все было хорошо. Суббота. Вечер. Меня ждало «Чистое небо».

Под самые майские праздники мы получили факс, в котором «Люксхим» извещал, что снимает с производства две товарные позиции. Новость была не из радостных.

К маю 2003 года ситуация в бизнесе начала меняться. Рынок обозначил признаки уплотнения. И проявились они в потере прибыли на бартерном товаре. Если раньше на нем, хоть немного, но удавалось зарабатывать, то теперь стало сложнее. Самый ходовой товар, полученный в бартер, сбывался уже в ноль, либо в небольшой минус. Из каждой операции мы старались выжать максимум. Пока отец крутил руль, я трясся рядом и гонял в голове мысли о возможных комбинациях обмена и продажи товаров. Самые большие потери на обратном товаре мы несли в «Меркурии». Сеня жал цены сильно. Но мириться с таким положением дел было нужно. Во-первых, другого выхода не было. Во-вторых, Сеня исправно и стабильно качал через свою базу хорошие объемы. В «Пересвете» в бытовой химии продолжала царить анархия – рай для всех мелких поставщиков. Все они работали примитивно – привозили низколиквидный товар и сдавали на реализацию в оптовые базы города с большой наценкой. Как следствие – склады оптовых баз в несколько лет забились под завязку товарным шлаком, который лишь мешал обороту. Решение не замедлило себя ждать – крупные оптовые базы бытовой химии перестали брать товар на реализацию, выставив поставщикам условие бартера. То самое, на которое мы загодя перешли сами. Часть поставщиков отвалились, прочие вынужденно перешли на бартер. Нагрузка на базы подобные «Меркурию» и «Пересвету» резко выросла – поставщикам надо было «сливать» бартерный товар. Началось давка по ценам. Оптовые базы бытовой химии пошли дальше – сократили и перечень товаров. Мелким поставщикам ничего не осталось, как грызться меж собой за товары из этого списка. И тут моральные принципы многих дали трещину. Мне категорически не хотелось у кого-то что-то отбирать, перебегать людям дорогу. Я понимал, что все поставщики такие же трудяги, как и мы, пытающиеся заработать «свою копейку» на жизнь. Не хотелось оставлять за спиной обозленных людей. Оставалось два варианта развития. Первый – полуфантастический – найти нового производителя товаров из перечня оптовых баз. Он должен был находиться как можно ближе к нашему городу, чтобы логистика не убила прибыль, товар должен был быть недорогим и качественным, производитель должен был работать только с нами. Такой набор условий был сродни чуду – это я понимал. Второй – реальный и муторный – открытие своих розничных точек. Мне он не очень нравился, но, в случае успеха, он становился максимально надежным. Риски лежали в выборе места торговой точки – можно было не угадать и понести убытки.

Во время майских праздников, покуривая под теплыми лучами солнца на балконе, мы с отцом завели разговоры на тему развития бизнеса. Отец слушал мою болтовню, был не против реализации любого из направлений или двух сразу, но энтузиазма не проявил – разговоры остались разговорами. Мне же хотелось действий! Я снова засел за журналы по оптовой торговле. Работая лишь с «Люксхимом», мы сильно рисковали – могли потерять весь бизнес разом. Нам нужен был еще хотя бы один производитель.

И снова все решил Случай.

В один из праздничных дней я оказался на соседней улице среди рядов торговых киосков и павильонов. Продуктовые ряды дополнялись с краю двумя линиями киосков хозяйственных товаров. Крайняя из них состояла из шести контейнеров. Я присмотрелся к ним. Внутри контейнеры делились на два киоска. Если киосками владел один хозяин, то перегородка меж ними отсутствовала, получался единый киоск-контейнер. Первые два такими и оказались – едиными и застекленными. В них торговали посудой и обувью. Третий и четвертый контейнеры имели отдельные киоски, да к тому же еще и открытые. Первый киоск торговал бытовой химией, второй – аудиокассетами. Киоски четвертого

торговали бытовой химией. Пятый застекленный киоск-контейнер – бытовая химия, шестой – всякая домашняя утварь. Крышей контейнерам служил тент, натянутый на единый железный каркас. Соседняя линия выглядела солиднее – сплошь большие киоски, они стояли уже на цементном основании. Только один из них торговал бытовой химией.

Я не заметил бы всех особенностей, если бы не объявление. Белый лист висел на подвижных ставнях третьего контейнера с напечатанным единственным словом: «Продаю». Я медленно прошел мимо, через пару минут вернулся, пообщался с продавщицей киоска, узнал, что хозяйка каждый день приходит к шести снимать выручку, и зашагал домой.

Отец полулежал на жарком от солнца подоконнике балкона, курил и наблюдал за жизнью двора. Влетев на балкон, я затараторил, рассказал о киоске.

- М! Интересное место, я понял, о каких киосках ты говоришь, - заинтересовался отец, затаился, затушил сигарету и развернулся ко мне. – Место проходное.

- Да, там оживленно очень! – идея покупки киоска будоражила мой мозг. – Я был там всего пять минут, и покупатели подходят и подходят. И, прикинь, это ж обычная чисто розничная точка, там цены неслабые. Мы, если купим, то сможем и цены понижее сделать. Просто, нам нужно наш объем товара прокручивать максимально эффективно. Если будем так и дальше гонять все через бартер, то скидки сожрут всю нашу прибыль!

- Да понял я! Что ты вот опять заседаешь с очередной идеей!?! – возмутился отец.

- Думаю, надо сходить и поговорить с хозяйкой сегодня вечером! – фонтанировал эмоциями я, безапелляционно требуя действий.

- Ну, сказал же, сходим! Угомонись! Сядь вот! – указал отец на край диванчика.

- Да ну тебя! – отмахнулся я и вылетел с балкона на кухню. Поставил чайник.

Через минуту в коридоре послышались шаги отца.

- Чего ты убежал-то!?! – вытаращился удивленно тот на меня.

- Да ничего.

- Ну, что – ничего!?! – примирительно добавил отец. – Такие вопросы просто так не решаются, увидел – прибежал, побежал – купил! Я же сказал – сходим! Вечером сходим.

- Сходим, сходим, - начал остывать я.

Киоск мы купили через несколько дней. Обошелся он нам в тридцать тысяч и достался с продавщицей – Надеждой Петровной – тщедушной, но крепкой и шустрой старушкой с врожденной интеллигентностью и живым ясным умом. Второй свой киоск – половину в соседнем четвертом контейнере, хозяйка решила пока не продавать. Из него, облокотившись на витрину и высунув лохматую голову, за нами с интересом наблюдала другая продавщица.

Покупка вызвала во мне сильный эмоциональный подъем. Ощущение свершения чего-то значительного и важного в нашем деле вновь всколыхнулось во мне. Наше шаткое положение обрело, наконец, первую точку опоры.

Внутри киоск выглядел жалко – квадратное пространство два на два метра было вертикально разделено деревянной стойкой-витриной. За ней как за ширмой находились полки под товарный запас киоска. Половину пространства передней части киоска забирал горизонтальный стеклянный прилавок в пояс высотой. В промежутке между прилавком и стойкой стоял стул. Если продавщица не сидела на нем, а стояла рядом, то свободное пространство в киоске на этом заканчивалось.

С продавщицей нам повезло. Она в два дня привела киоск в нормальный торговый режим, и уже с третьего он стал приносить прибыль. Ритм работы и жизни стал жестче – товар в киоск надо было подвозить через день, чтобы поддерживать ассортимент, иначе выручка сразу падала вдвое. Под конец первой недели нашлась и вторая продавщица – полная с одышкой глуповатая и визгливая тетка в очках. Она постоянно щурилась, эмоционально размахивала при общении руками, сверкала парой железных коронок на верхних зубах и мелко брызгалась слюной.

Все свободное время следующей недели мы занимались благоустройством склада. Первый же майский дождь залил его, напомнив нам с отцом о дырах в крыше. Переложив шифер на крыше, мы устранили течи. Местный электрик восстановил проводку, и вместо одной лампочки в складе заработали все четыре. Из-за киоска товар на складе разросся по ассортименту, лежал хаотично на поддонах, и их перестало хватать. В три дня из того, что удалось по-быстрому добыть на территории завода, мы напилили и сколотили два ряда стеллажей. Один поставили у левой стены, другой вдоль задней. На обоих сделали по три уровня полок. Едва товар для киоска оказался на полках, как склад сразу стал уютным и практичным на вид.